

В. М. РОЗИН

Контекстное, полифоническое мышление — перспектива XXI века

Интеллектуальная ситуация конца XX столетия в некотором отношении напоминает ситуацию V—IV веков до н. э., когда формировались греческая философия и наука. Множество знаний, по-разному описывающих мир, множество противоположных утверждений о существовании, отсутствие критериев оценки, выбора подобных знаний и утверждений в качестве верных. Если в античном полисе такую ситуацию создавали софисты, философы, ученые, поэты, жрецы, то в наше время — философы, ученые разной ориентации (например естественники и гуманитарии), верующие, эзотерики, мистики, просто люди, выступающие с собственными теориями и объяснениями всего происходящего в мире. И опять нет критериев оценки и предпочтения одних знаний и теорий другим.

Показательна в этом смысле дискуссия, начатая в прошлом году на страницах журнала «Общественные науки и современность». Ее инициатор А. Назаретян утверждает, что центральное понятие всей современной гносеологии — не более чем мифологическое представление. «Для человека, — пишет он, — ясно сознающего, что он связан с миром посредством идеальных моделей и оперирования ими, сама категория истины становится избыточной или, во всяком случае, периферийной» [1, с. 106].

А. Никифоров возражает ему: отказ от категории истины сделает невозможным или неясным понятия познания, доказательства, опровержения и многие другие, на которых основывается современное научное мышление. Другое дело, считает Никифоров, что надо различать истину в естествознании, где *«истина целиком детерминируется объектом»*, и истину в общественных науках (ее Никифоров предлагает переименовать в «правду»), где *«правда сама способна подчинить себе объект»* [2, с. 115].

Сходная полемика идет в последние годы и в методологии исторических исследований. Например, крайне интересную программную статью с весьма характерным названием «Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории» написал В. Вжосек [3].

Древние греки разрешили ситуацию много- и разномыслия следующим способом: они сформировали представление о мышлении, подчиняющемся системе правил (логический аспект бытия), описывающем подлинное устройство мира (онтологический аспект бытия). Определяя, что такое истина и ложь, Платон пишет: «Кто о сущем говорит, что оно есть, тот говорит истину, а кто утверждает, что его нет, тот лгун» [4, с. 65]. Прав тот, вторит ему Аристотель, «кто считает

разделенное разделенным и соединенное соединенным, а в заблуждении тот, мнение которого противоположно действительным обстоятельствам» [5, с. 162]. На первый взгляд, эти определения истины и лжи тавтологичны, ведь каждый, даже тот, кто лжет, утверждает, что говорит о том, что есть. Но смысл этих критериев не в проверке конкретного рассуждения на истину или ложь, а в утверждении принципа нормирования самих рассуждений, в требовании строить правильные рассуждения исходя из некоторых твердых оснований.

В диалоге «Федон» Платон пытается поставить связь знаний в рассуждении в зависимости от связи идей. Он доказывает: поскольку идея четного противоположна идее нечетного, а число три причастно идее нечетного, идея этого числа также противоположна идее четного (в современном языке формальной логики это платоновское рассуждение соответствует второй фигуре силлогизма). «Изложенные схемы силлогистических выводов,— пишет А. Ахманов,— Платон привел для доказательства бессмертия души, которая, будучи причастна идее жизни, при приближении того, что противно жизни, т. е. при приближении смерти, не погибает, а, оставаясь бессмертной, удаляется в царство Аида» [4, с. 68]. С моей точки зрения, реконструкции силлогизма здесь нет. Платон не строит схему силлогистического вывода, а моделирует рассуждение, чтобы его нормировать, обосновать как правильное (истинное). Вот этот момент моделирования и нормирования рассуждений является кардинальным поворотом в усилиях греческих мыслителей. Уже пифагорейцы, подчинив вещи и мироздание числовым отношениям, подготовили почву для этого поворота, Платон сделал первый шаг, Аристотель же превратил нормирование и моделирование рассуждений в регулярный прием. Какими идеями он при этом руководствовался?

Во-первых, вслед за Платоном Аристотель запрещает получение парадоксов, т. е. приписывает мышлению определенную структуру. Всякий парадокс, по убеждению Аристотеля, свидетельствует об ошибке в рассуждении; эта ошибка должна быть вскрыта и исправлена. Во-вторых, в правильности или ошибочности рассуждений можно убедиться, с одной стороны, наблюдая их результат (получаются противоречия или нет, происходит объяснение или, наоборот, возникает путаница); с другой стороны, соотнося рассуждение с правилами. В свою очередь, правила мышления (рассуждения) устанавливаются на особых моделях. Ими являются представления «о суждении», «силлогизме», «доказательстве», «знании», «начале», «науке».

Что такое, например, суждение? Это модель высказывания («Всякое суждение есть или суждение о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; из этих суждений в зависимости от того, приписывается ли что либо в них или не приписывается, одни бывают утвердительными, другие — отрицательными; далее одни утвердительные и отрицательные бывают общими, другие — частными, третьи — неопределенными» [6, с. 11]). При этом высказывание — не просто модель, но и одновременно, как видно из цитаты Аристотеля, классификация высказываний. Силлогизм — это, по сути, модель элементарного рассуждения, когда, исходя из двух высказываний, не обращая к опыту и объекту, получают третье новое высказывание («силлогизм есть также и некоторое начало, посредством которого нам становятся известными термины») [6, с. 195]. Если силлогизм — модель элементарного рассуждения, то доказательство представляет собой модель верного, истинного рассуждения; элементами этой модели являются знания и «начала» (т. е. исходные истинные знания). Сама же наука представляет собой модель, как бы сегодня сказали, системы истинных знаний, задающих определенный научный предмет.

Именно на основе всех этих соображений Аристотелю удается сформулировать, с одной стороны, правила «правильных» (не приводящих к противоречиям) рассуждений, с другой — охарактеризовать ошибочные рассуждения. Например, к первым, как мы уже отмечали, относились правила построения силлогизмов, включающие различение трех фигур силлогизмов и классификацию силлогизмов по модальностям (в соответствии с категориями «существования»,

«необходимости существования» и «возможности существования»), а также правила построения доказательств. Ко вторым относились ошибки при построении силлогизмов, правила спора, запрещение доказательства по кругу, недопустимость перехода доказательства из одного рода в другой, ошибочные заключения при доказательствах и другие.

Конечно, одной рефлексии и опроверживания в мышление сложившихся отношений нормирования было недостаточно; в конце концов каждый крупный философ считал себя мудрым, т. е. посвященным в божественное. Система Платона—Аристотеля не имела бы той значимости и силы, если бы в ней не был предложен весьма эффективный принцип организации и упорядочения всего мыслительного материала, всех полученных знаний. Весь мыслительный материал упорядочивался и организовывался, во-первых, в связи с иерархическим отношением нормирования (одни начала Аристотель подчиняет другим), во-вторых, в связи с требованием доказательства всех положений (кроме начал); в-третьих, в связи с требованием соблюдать правила истинного рассуждения (мышления). Сами же эти правила строились так, чтобы избежать противоречий и одновременно ассимилировать основную массу эмпирических знаний, полученных в рассуждениях и опыте.

Рассмотрим, например, совершенный силлогизм: если A приписывается всем B , а B — всем V , то A необходимо приписывается всем V («каждое двуногое существо (B) есть живое существо (A), каждый человек (V) есть двуногое существо (B), следовательно, каждый человек (V) есть живое существо (A)»)- Знания о том, что «существа, имеющие две ноги,— живые» и что «люди имеют две ноги», получены, конечно, опытным путем. На их основе были получены знания «(B) есть (A)» и «(V) есть (B)». Знание же «(V) есть (A)» усматривается или, как говорит Аристотель, следует с необходимостью из знаний «(B) есть (A)» и «(V) есть (B)». На самом деле никакой необходимости здесь нет, зато есть определенная конструкция силлогизма и правило. Но они построены так, чтобы не возникали противоречия и сохранялись эмпирические знания «(B) есть (A)» и «(V) есть (B)», полученные в реальном опыте. Следовательно, и силлогизм, и другие правила мышления строились так, чтобы сохранить основные практические и опытные достижения человека и в то же время сделать возможным правильное рассуждение.

Построение Аристотелем правил мышления («Аналитики», «Топика», «О софистических опровержениях») и обоснование этих правил и начал («Метафизика») имели колоссальные последствия для всего дальнейшего развития человеческого интеллекта. Человек получил мощное орудие мысли: возможность получать знания о действительности, не обращаясь непосредственно к ней самой. Правила мышления позволили включать в рассуждение одни знания (ранее доказанные или эмпирические, или же априорно верные — начала) и получать на их основе другие знания (как уже известные, так и новые). При этом новые знания не приводили к противоречиям, и их не нужно было оправдывать опытным путем.

* * *

Начиная с этого периода, формируются и собственно научное мышление, и отдельные науки. Происходит распространение новых правил и представлений о мышлении на полученные ранее опытные (эмпирические) знания (знания шумеровавилонской математики, геометрические знания ранней античной науки и т. д.).

Можно сформулировать три основных постулата, характеризующих особенности классического мышления, которое было конституировано в трудах Аристотеля и последующих античных логиков и философов, получило дальнейшее развитие в средневековой логике, обрело второе и отчасти иное «дыхание» в логике и философии Нового времени.

Первый можно назвать постулатом параллелизма. Он звучит так:

действительность — непротиворечива, источником ошибок, полученных в рассуждениях, и ошибочных (антиномичных) знаний является мышление. Правильное мышление должно описывать (отображать) строение действительности.

Второй — постулатом **автономности**. Уже Аристотель, но не Платон, пытается решить все интеллектуальные и неинтеллектуальные проблемы в рамках мышления. Мышление с этого времени рассматривается как автономное, как универсальная сфера, где можно, не обращаясь к другим формам жизни и деятельности (искусству, общению, практической деятельности и т. д.), получать знания и находить внутренние стимулы для собственного развития.

Третий — постулатом **единства**. Мышление одно и едино, не может быть много и разных мышлений. Прокомментирую первый и третий постулаты.

Современные исследования позволяют утверждать, что первый из них фиксирует решение сложной интеллектуальной проблемы, причем на том уровне осознания, который был доступен в то время греческим мыслителям. Чтобы пояснить это утверждение, рассмотрим, как Аристотель обосновывает одно из своих правил, утверждающих, что правильное рассуждение должно исходить из истинных знаний — «начал».

Приписывая началам такое свойство, как недоказуемость, Аристотель фиксировал, с одной стороны, сложившуюся практику (каждый мыслитель что-то принимал как начало, а другие знания уже доказывал на основе этого положения); с другой стороны, он исходил из очевидного соображения, что при выяснении оснований доказательства нельзя идти в бесконечность, где-то приходится остановиться, и это последнее положение уже не может быть доказано. Но как в этом случае быть с началами, как убедиться в их истинности? Вопрос непростой. Частично ответ на него Аристотель получает, рефлекслируя практику построения начал: начала строили, анализируя и обобщая эмпирические знания, относящиеся к определенному предмету.

Однако это только частичный ответ. Начала задают объект как таковой; следовательно, они являются элементами существующего, того, что есть на самом деле, — последнего целого, вне которого ничего уже нет. Но последнее целое, об этом говорил еще Фалес, — это то, что включает все остальное, и одновременно является единым («Все» есть вода, — говорил Фалес). Для Аристотеля последнее целое — это «разум» и «единое» (разум как единое, единое как разум). Исходя из этого понимания, Аристотель трактует все начала как принадлежащие разуму (единому), и в соответствии с этой идеей упорядочивает их («Между тем, — говорит Аристотель, — мир не хочет, чтобы им управляли плохо. Не хорошо многовластье: один да будет властитель») [5, с. 217].

Но как единое и разум связать с отдельными началами, ведь они все разные и их много? Чтобы преодолеть этот разрыв, Аристотель вводит особые промежуточные начала — категории (сущность, суть бытия, род, вид, количество, качество, причина, форма, материя, природа, многое, возможность, действительность, способность, владение, лишение и др.), из которых, как из конструктора, «создаются» сами начала отдельных наук. Например, вещи Аристотель составляет из сути бытия, формы и материи и относит к определенному роду и виду. Изменение (движение, рост, заболевание и т. д.) составляется из сущностей, сути бытия, форм, материи, способности, возможности, действительности, качества, количества, состояния. В системе Аристотеля категории стоят выше начал, но ниже разума (единого).

Создавая концепцию начал, Аристотель отчасти рефлексировал и свою собственную позицию (а также позицию Платона) по отношению к другим мыслителям. Ведь Платон и Аристотель предписывали, навязывали этим мыслителям определенные правила и модели рассуждения. От чьего же имени они выступали? От имени божественного разума, от имени порядка и блага.

Следующий вопрос, который здесь возникал: что такое божественный разум и единое? Раз сам Аристотель выступает от имени божественного разума, то, реф-

лексируя собственную деятельность, он тем самым отвечает на вопрос, чем занят божественный разум. Что делает Аристотель как философ? Во-первых, мыслит. Во-вторых, предписывает другим мыслителям, т. е. нормирует их мышление. Отсюда получалось, что «божественный разум» — это «мышление о мышлении», т. е. рефлексия и созерцание (усмотрение, «умозрение» новых знаний и начал). Впрочем, здесь Аристотель всего лишь идет вслед за своим учителем.

Действительно, Платон утверждает, что существующее существует в качестве идей именно потому, что его создал Демиург (Бог). Н. Григорьева в интересной и тонкой работе [7] убедительно показывает, что Демиург в платоновском «Тимее» выступает не только как Творец, но и еще в двух ипостасях: как некий Жрец, замысляющий и рассчитывающий Вселенную (и затем творящий ее по этим расчетам), и как Ткач, создающий (ткущий) ту же Вселенную. В первой своей ипостаси Демиург ассоциируется с Зевсом, а во второй — с Афиной Палладой. Вселенная и природные стихии (небо, планеты, огонь, вода, земля, воздух и т. д.) не только созданы Демиургом, который рассчитывает их, но и сами поэтому пронизаны математическими отношениями («Мы видим,— пишет П. Гайденко,— что Бог поступает, как математик...») [8].

Не менее интересно, какими качествами Платон наделяет человека. Боги замысливают человека, исчисляют и складывают (собирают) по расчетам, и сам он обладает способностью замысливать, исчислять, творить. Что же получилось? Вселенная, по Платону, устроена так, как Платон понял восточных жрецов, а Демиург подозрительно напоминает самого Платона (он уясняет, творит мир, устанавливая порядок, исчисляя, созерцая Благо). «Общеизвестно,— пишет Григорьева,— что жрецы Египта, обособленно живущие, занимались исследованием природы макро- и микрокосмов, были математиками, астрономами или, «изучая науки божественные, из них выводили науки человеческие» [7, с. 81].

Приблизительно то же самое говорит Платон в разных диалогах и о занятиях философов. В «Тимее» не только жрец сближается с философом в области интеллекта, но и философ сближается со жрецом в сфере сакральной интуиции. Жрец служит Богу как человек, и для человека жрец есть посредник между ним и Богом; философ в понимании Платона (вспомним «Федра») — это человек, душа которого более всего видела и запоминала во время небесного путешествия; она уподобилась богу, созерцая истину вместе с богами, и поэтому «у него всегда по мере сил память обращалась на то, чем божественен бог». Таким образом, в мышлении Платона и тем самым в тексте диалога жрец Афины Нейт в некотором смысле почти отождествляется с философом. Философ, в свою очередь, тоже как бы является жрецом богини мудрости [7].

А вот относящиеся к исходной теме представления Аристотеля. Обсуждая в «Метафизике» природу единого, он пишет: «Так вот, от такого начала зависит мир небес и вся природа. И жизнь у него — такая, как наша — самая лучшая, которая у нас на малый срок... При этом разум, в силу причастности своей к предмету мысли, мыслит самого себя... и умозрение есть то, что приятнее всего и всего лучше. Если поэтому так хорошо, как нам, богу — всегда, то это изумительно: если же — лучше, то еще изумительней» [5, с. 211].

Итак, античная рефлексия существующего имела мало общего с традиционной, так сказать, донаучной культурой античного полиса, которая, особенно вначале, задавалась мифологией и религией. Эта рефлексия закрепляла прежде всего новый культурный опыт — упорядочения и организации мышления, придавая этой организации характер нормы. Для античного мыслителя существует лишь то, что обеспечивает познание и мышление. Именно это мышление и получает название научного и философского, а соответствующая способность мышления — познания.

Кстати, относительно понятия истины. Научная истина и в античном понимании характеризует не то, что есть на самом деле, а то, что *существует*. Но, как я уже подчеркнул, по Платону и Аристотелю, существующее — это не то, что существует *эмпирически*, а то, что *отвечает научному мышлению и познанию*.

В Новое время после работ Г. Галилея, Х. Гюйгенса, Ф. Бэкона понимание существования изменилось: оно становится неотделимым от творческой инженерной деятельности человека, точнее, расположено теперь на границе двух сфер — *естественнонаучного познания и инженерной деятельности*. В нашем столетии складывается еще одно научное понимание существования — *гуманитарное, которое соотносено с опытом самого исследователя, его ценностями*.

Этим трем разным пониманиям существования отвечают и три различных понимания научной истины: античное, естественнонаучное и гуманитарное; кстати, гуманитарная истина парадоксально сама предполагает множество истин. Но ведь есть еще *жизтейская истина, эзотерическая, религиозная*. И все понятия истины нагружены ценностными отношениями, даже естественнонаучное (здесь истина задает использующее, инженерное отношение к природе). Теперь — комментарий к третьему постулату.

Уже Аристотель пытался создать нормы, единые для всего мышления. Потом эту задачу для своего времени решали многие философы и логики, достаточно назвать такие имена, как Милль, Гегель, Кант. Хотя единство мышления провозглашалось часто, на деле этот постулат никогда не удавалось строго провести. Уже в античной культуре платоновское мышление и мышление по Демокриту отличались от аристотелевского. В средние века теологическое мышление особым образом включает в себя аристотелевское. «Философ средневековья, — пишет С. Неретина, — получил от античности богатое наследство в виде определенного аппарата понятий и не менее определенного уморасположения. Но перестав осознавать себя гражданином замкнутой общины — полиса, призванным обеспечивать его жизнедеятельность (в этом состояла добродетель гражданина), направив свой разум на постижение иной, Божественной жизни, он необходимо должен был перестроить основания философии — в контексте теологически ориентированной культуры. Логика оказалась способом созерцания Бога, этика обозначала пути его постижения. Логика и этика оказались моментами единой теологической системы. В результате античные категории обретают своеобразную этико-тео-логическую нагруженность. Когнитивные акты суждения нагружаются актами нравственного суждения, а механизм когнитивных актов — механизмами нравственных актов спасения, что повлекло за собой интерпретацию аристотелевских категорий, во-первых, под углом зрения любви или ненависти, во-вторых, как иносказаний (тропов), поскольку любая категория, сколь бы точной она ни казалась для «земного» разума, оказывается лишь примерной — относительно разума Божественного, примеряемой к нему (отсюда огромная роль примера, образца в средневековье)» [9, с. 56]. Наконец, в Новое время классическое аристотелевское мышление является только элементом и катализатором других форм и видов мышления — современного философского, естественнонаучного, гуманитарного, проектно-инженерного, эзотерического и т. д.

Однако не только сформировалось много разных видов мышления, которые, правда, не отрефлексированы и не оснащены интеллектуально подобно классическому мышлению. Современное мышление не является в наши дни автономным и не описывает единственную и единую действительность. Впрочем, уже Платон в своих диалогах фактически намечает линию на открытое и неавтономное мышление. Например, в диалоге «Пир» знание о любви создается не путем строгих рассуждений, хотя последние фрагментарно присутствуют, а путем коллективного творчества, причем по форме это творчество носит частично проектный, частично мифологический характер. Важно и то, что критерием истинности платоновского знания о любви является не соответствие этого знания идее любви (как в строгом мышлении), а коллективное признание размышлений о любви знанием, поскольку они интересны и явно отвечают чаяниям и установкам всех участников пира.

Другими словами, в данном случае критерий истины — не нормы мышления, а событие, возникающее в ходе коллективного творчества, в процессе общения. В этом смысле платоновское знание о любви получается не столько в мышлении

(хотя и в мышлении тоже), сколько в сфере коллективных *мыслетворчества*, *мыслежизни*. Оно выражает идею любви и позволяет реализоваться (осуществиться, состояться) коллективному духу, родиться новой форме жизни — платонической любви.

Подобное открытое к жизни мышление постоянно соперничало с закрытым, автономным аристотелевым мышлением. Более того, в точках роста (развития) классическое мышление контрабандой включало в себя ряд идей и принципов, других сфер жизни, чтобы тут же объявить их чистыми продуктами самого мышления. Однако то, что в истории мысли выходило на поверхность лишь эпизодически, стало обычной практикой в наши дни. Влияние на мышление искусства, инженерии, религии, эзотерической практики, политики, различных культурных форм жизни сегодня все чаще признается и становится предметом исследования, т. е. того же мышления. Невозможно сегодня, не вступая в противоречие, утверждать существование единой действительности, которая, так сказать, мыслится в рамках единого мышления. К тому же само понятие действительности является производным от культурного опыта и мыслительного творчества человека.

* * *

Итак, если сравнивать современное мышление с классическим, аристотелевско-кантовским, то можно утверждать существенное различие этих двух типов мышления. Классическое мышление, как я отмечал, подчиняется постулатам «параллельности», «автономности» и «единства». Современное мышление — это много разных мышлений (классическое, естественнонаучное, гуманитарное, религиозное, эзотерическое, философское и т. д.), оно открыто к разным формам жизни и деятельности, описывает разную действительность, которую отчасти и конституирует. В противоположность постулатам классического мышления можно сформулировать три следующих постулата.

Постулат порождения. Мышление порождает соответствующие формы действительности, объекты, реальности, которые затем и отражаются в мысли.

Постулат контекстности. Мышление не автономно, а подобно языку и речи имеет разные контексты. Контекстом мышления можно считать ту форму жизни или деятельности, которые сливаются и переплетаются с мышлением (подобно тому, как в платоновском «Пире» мышление сливалось с общением и коллективным творчеством), способствуя его дальнейшему развитию.

Исследования показывают, что у современного мышления наиболее значительными являются следующие четыре контекста. В качестве первого контекста, точнее, целой группы контекстов, можно указать такие формы рациональной деятельности, как естественные и технические науки, инженерия, проектирование, технология, производственно-экономическая сфера и т. д. Именно этот контекст создает в отношении мышления то, что сегодня в философии обсуждается как «научная и техническая реальности».

Второй не менее значимый контекст — сфера личности, реализация в мышлении ее фундаментальных желаний, целей, ценностей. В настоящее время сложились целые области (например эзотерические учения, индивидуальные философские системы, значительная часть гуманитарного мышления, мышление в искусстве), где один из главных моментов именно реализация личности. По аналогии с научной и технической рациональностью в данном случае можно говорить о «персоналистской рациональности».

Третий контекст можно назвать «групповым». Здесь определяющим является не личность, а группа или сообщество. Деятельность творческого коллектива, эзотерического или научного сообщества, «школы или академии», семинара или «пира», в которых мышление и порождаемые в нем идеи становятся событием, где общение и творчество перетекают в мышление, служит иллюстрацией подобного контекста современного мышления.

Четвертый контекст — контекст культуры. Значение этого контекста, часто неосознаваемого, не менее велико, чем первого из названных контекстов. В качестве примера можно указать на различие национальных «школ» мышления (русской, немецкой, французской, американской, японской) или кардинальную смену мышления при смене культур (переход от древнего мира к античности, от античной культуры к средневековой, от средневековой к культуре Нового времени).

Я назвал только основные контексты мышления. В каждой конкретной интеллектуальной ситуации может возникнуть необходимость учесть свой контекст (контексты) мышления. Например, в интеллектуальной ситуации, которую условно можно обозначить как «методологическое обеспечение» (определенной науки или практики), важно учитывать такой контекст, как «рефлексия». Дело в том, что рефлексия — это не только интеллектуальная операция, но и определенное воздействие (жизни, личности, группы, культуры) на мышление. Некто, рефлексировав, проводит определенный взгляд на функционирование и развитие мышления, исходя при этом из позиции более широкой, чем мыслительная, а следовательно, включает мышление в определенное целое.

Третий постулат современного мышления — постулат полифоничности. Современное мышление — это много разных мышлений, находящихся между собой в различных отношениях (дополнения, противостояния, независимости, родства и т. д.). Например, естественнонаучное и гуманитарное мышление, с одной стороны, находятся в отношении оппозиции, с другой — дополнения.

Так, гуманитарный подход — это всегда оппозиция негуманитарным явлениям (естественной науке, первой природе, технической культуре и т. д.). В норме гуманитария интересуют другие, по сравнению с естественником, нетехнические области употребления научных знаний, а именно те, которые позволяют понять другого человека (человека иной культуры, личность художника, ученого, политика и т. д.), объяснить определенный культурный или духовный феномен (без установки на его улучшение или перевоссоздание), внести новый смысл в определенную область культуры либо деятельности (т. е. задать новый культурный процесс или повлиять на существующий). Во всех этих и сходных с ними случаях гуманитарная наука ориентируется не на технику, а на другие, если так можно сказать, гуманитарные виды деятельности и практики (педагогику, критику, художественное творчество, образование, самообразование и т. д.). В этом отношении гуманитарное мышление находится в оппозиции к естественнонаучному.

В то же время в современной методологии между этими двумя видами мышления устанавливаются отношения дополнения. «Противопоставление гуманитарных и естественных наук,— пишет М. Бахтин,— было опровергнуто дальнейшим развитием гуманитарных наук. Одновременность художественного переживания и научного постижения. Их нельзя разорвать, но они проходят разные стадии и не всегда одновременно» [10, с. 349].

Если современное мышление полифонично, контекстно, порождающе, то как в этом случае оно может выполнять свои функции: задавать нормы мышления и описывать действительность? Как, собственно говоря, в этих условиях вести дискурс и что считать истиной?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо еще раз вернуться к античной интеллектуальной ситуации. Как я уже отмечал, мышление — это нормирование, организация и осмысление (обоснование) рассуждений и других способов получения и построения знаний. Особенность мышления в том, что знания, т. е. утверждения о действительном, в мышлении получают на идеальных объектах без обращения к опыту и реальным объектам. Если теперь обратиться к современной интеллектуальной ситуации, то можно утверждать следующее. В нашей культуре сложились разные способы получения и построения знаний. Однако только некоторые из них (главным образом относящиеся к сфере рациональной действительности) нормированы, организованы и осмыслены. Другими словами,

соответствующие формы и виды мышления еще находятся в латентном состоянии, еще только формируются. Тем не менее все их считают мышлением.

Понимание сути и особенностей нормирования, организации и осмысления также различаются в разных современных видах мышления. Изменились (по сравнению с классической античностью) и требования к публичности и обоснованности рассуждений и знаний. В результате ни один вид мышления не может сегодня реально претендовать на общезначимую истину (именно в силу того, что многие виды мышления на это претендуют). Одновременно каждый вид мышления в пределах своей интеллектуальной территории вполне компетентен в том смысле, что в них могут быть получены верные знания [1].

При таком понимании мышления и современной интеллектуальной ситуации ничто не мешает осуществлению указанных выше трех постулатов современного мышления. Действительно, именно организация, нормирование и осмысление порождают действительность, которая мыслится в мышлении.

Далее, разные типы организации, нормирования и осмысления автоматически приводят к многим разным мышлениям. Наконец, по мере того как складываются сами типы организации, нормирования и осмысления, происходит образование определенных контекстов мышления. Если, например, формируется эзотерическое мышление, то в качестве таких контекстов выступает прежде всего личность самого эзотерика, создателя данного эзотерического учения, затем — эзотерическая традиция, в третью очередь — какие-то региональные особенности и особенности окружающей жизненной среды. Теперь можно ответить на поставленные выше вопросы о том, как вести дискурс и что считать истиной.

Уверен, что современный мыслительный дискурс предполагает явную рефлексию особенностей того мышления, в рамках которого он строится. При этом должны быть соблюдены такие общие условия, которые позволяют вести дискурс другим, т. е. не посягают на другие виды мышления и интеллектуальные территории. Спрашивается, как это возможно. Во-первых, если артикулируются и публикуются особенности своего дискурса, во-вторых, выявляются и также публикуются границы своего мышления и дискурса. Последнее, в частности, предполагает отказ от «натуралистической позиции», т. е. веры в то, что мыслимое содержание совпадает с действительностью как она есть.

Но что значит отрефлексировать особенности своего мышления и его границы? Есть рефлексия и рефлексия. И как можно отрефлексировать, если многие виды мышления еще только формируются, т. е. в них еще не сложились, не установлены соответствующие нормы и правила. На последний вопрос ответ очевиден: отрефлексировать и, значит, сначала организовать, нормировать, осмыслить, закрепив все это в особых нормах и правилах мышления. В данном случае это необходимое условие рефлексии. А вот отрефлексировать мышление так, чтобы с этим согласились все участники мыслительной коммуникации, действительно, непросто. Думается, здесь нужно ориентироваться на саму эту коммуникацию, на те ее признаки и особенности, которые все участники начинают признавать и разделять.

Не задают ли указанные основные контексты современного мышления (рациональный, персоналистский, групповой, культурный) подобные признаки? И не следует ли из этого, что рефлексия мышления (и собственного, и чужого) должна вестись с нескольких взаимодополнительных позиций: научной и технической рациональности, мыслящего индивида, группы или сообщества, наконец, культуры (культурной традиции) ?

Могут возразить, что подобные требования осуществить очень сложно. Да, сложно, но переход к философии Платона и логике Аристотеля был не менее сложен. Проще рассуждать, произвольно соединяя признаки, нанизывая один силлогизм на другой без всяких правил и границ. Сложнее различить силлогизмы, мышление, истину, ложь, знание, незнание (мнение), науку, философию и т. д., и т. п.

Другой вопрос, который может возникнуть: а как интегрировать указанные

позиции и планы жизни? Например, как связана культура и личность, персоналистская и рационалистическая точки зрения? С одной стороны, сама жизнь «интегрирует» эти планы и позиции, с другой — это происходит не без помощи философской и гуманитарной рефлексии и мышления. Важно, чтобы основные участники мыслительной коммуникации согласились принять эти позиции как общие, не ущемляющие ничьих интересов, предоставляющих каждому место для свободы и мышления.

Что же в этом случае считать истиной? То, что отвечает не только внутренним критериям того или иного вида мышления, но и требованиям рассматриваемой мыслительной коммуникации. Приведем один пример — способ обсуждения высказываний другого автора, удовлетворяющий требованиям современной мыслительной коммуникации.

Вероятно, в настоящее время непродуктивно обсуждать чей-то текст, следуя простой формуле: «вы думаете так, а я совсем наоборот». Порядок мыслительного общения значительно сложнее, он предполагает, в частности, обсуждение и сопоставление основания тех или иных утверждений. Идеал здесь видится такой. Предположим, у нас есть обсуждаемый текст, назовем его «исходным авторским текстом». Читая и осмысляя этот текст, сначала выделяем методом реконструкции основные интересующие нас тезисы автора, затем, если с ним не согласны, формулируем собственные «контртезисы». Следующий шаг — выделение (опять же методом реконструкции) оснований как тезисов автора, так и контртезисов оппонента. Выделение оснований позволяет перейти к осмыслению тезисов, контртезисов и оснований высказанных в текстах суждений. Можно также обсудить то мыслительное пространство, которое позволяет вести подобное осмысление.

Понятно, что в каждой области мышления, в каждом отдельном типе мышления складываются свои интеллектуальные ситуации, свои контексты, и поэтому необходимо вырабатывать специфические нормы и правила мышления, способы ведения дискурса, представления об истине, что на самом деле уже и начало происходить. Однако эта работа нуждается в осмыслении и упорядочении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаретян А. П. Истина как категория мифологического мышления//Общественные науки и современность. 1995. № 4.
2. Никифоров А. Революция в теории познания?//Общественные науки и современность. 1995. №4.
3. Вжосек В. Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории//Вопросы методологии. 1995. №№ 1, 2.
4. Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
5. Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934.
6. Аристотель. Аналитики. Л., 1956.
7. Григорьева Н. И. Парадоксы платоновского «Тимея»: диалог и гимн//Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
8. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 233.
9. Нертина С. С. Слово и текст в средневековой культуре//История: миф, время, загадка. М., 1994.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 349.

В. Розин, 1996